

Император давно испытывал недовольство к Князю — Стражу Севера. И было за что: тот не только сам обладал выдающимися способностями и пользовался любовью народа, но и держал в доме столь понятливых людей. А он, государь-император, чтобы добиться хоть капли ласки, должен был раздавать награды. Разве не бесит?

Гу Тин, мерзавец, сумел-таки донести свои намёки до самого Сына Неба, да ещё и в её присутствии!

Она слишком хорошо знала Императора Цзяньпина — его мысли, желания, обиды. Этот эпизод в Праздник фонарей был для неё напоминанием: не забывай, кто ты. Он столько сделал, столько дал — чего же тебе ещё не хватает?

Да, она любила красивые вещи и изысканные безделушки. Но разве она хотела именно их? Ей было нужно его внимание, его память о ней!

Мерзавец, мерзавец, мерзавец!

Она не отступит. Гу Тин должен умереть в столице, и именно от её руки!

Вдоволь накричавшись в мягкую подушку, Драгоценная наложница Ю медленно подняла голову. В зеркале она увидела своё отражение и стоящий на столе праздничный фонарь — тот самый, что Цзяньпин сделал для неё своими руками несколько дней назад.

Шестиугольный дворцовый фонарь с изображением прекрасной дамы. Увы, годы не щадят никого: красавица увяла, и фонарь потускнел, состарился. Никому не нужен.

Не достоин ничего внимания.

Тем временем на улице окончательно стемнело. Луна повисла на ивовых ветвях, повсюду зажглись праздничные огни.

Главная улица Фонарей была длинной, и фонари, высоко подвешенные, тянулись бесконечной сверкающей лентой, словно пытаясь затмить само небо. На ветвях деревьев висели фонарики всех размеров и форм, всех цветов радуги. Лица прохожих, озарённые тёплым светом, сияли улыбками. Всюду царил атмосфера праздника, и, казалось, только в такие дни жители столицы забывали о раздорах и опаске.

Праздник фонарей, время свиданий. Даже самые застенчивые девушки, прикрыв лица шёлковыми шарфами, выходили поглядеть на огни. Нетрудно представить, какое тут было оживление.

Гу Тин и его спутники ещё издали заметили это великолепие и, не утруждая себя экипажем, пешком отправились на Фонарную улицу.

— Смотри, какой круглый фонарь-лотос! А тот кролик — совсем пухляк! — воскликнул Мэн Чжэнь, едва сдерживая слюнки. Он обернулся:

— А что мы будем делать дальше? Есть какие-то важные дела?

— Конечно же, — начал Гу Тин, всерьёз раздумывая, отдохнуть ли, перекусить или сразу приступить к расследованию покушения. Но взгляд его упал на друга, заморожённо глядевшего на кролика, а затем на Хо Яня. Тот стоял рядом с фонарём в виде упитанного мышонка. Зверёк выглядел забавным и слегка глуповатым, а Хо Янь, когда не смотрел на Гу

Тина, излучал привычную холодную сдержанность. Эта странная комбинация почему-то показалась Гу Тину до смешного гармоничной.

Желание погулять по праздничной улице овладело им, стремительно нарастая, и он не удержался.

— Конечно же, мы должны всех озадачить! — закончил он иначе.

Мэн Чжэнь моргнул:

— Как так?

Гу Тин важно сложил руки на груди:

— Подумай сам: наше прибытие в столицу не осталось незамеченным. Простой народ может и не придавать значения, но те, кто устроил покушение, наверняка следят за каждым нашим шагом. Им не терпится узнать, как мы поступим, чтобы подготовиться заранее. Мы же с вами люди умные, нас нельзя раскусить!

Мэн Чжэнь моргнул:

— И что же?

Гу Тин:

— Поэтому мы не пойдём отдыхать и не бросимся сразу расследовать. Это слишком предсказуемо. Сначала — полюбуемся фонарями!

Мэн Чжэнь тут же завизжал от восторга:

— Ты прав, Тинтин!

Гу Тин быстро схватил фонарь-мышонка и сунул его Хо Яню:

— Пройдёмся немного?

Его глаза искрились, а лицо, озарённое светом фонарей, выражало такую радость и ожидание, словно он нашёл самое лучшее развлечение на свете.

Хо Янь нахмурился, разглядывая уродливого пухляша. Неужели эта безделица стоит таких эмоций? Малыш слишком легко радуется.

Неторопливо расплатившись, он протянул фонарь Гу Тину:

— Если что понравится — скажи.

Что бы ни захотелось этому малышу, он готов был достать для него звёзды с неба.

— Тогда носи его ты, — с хитрой улыбкой Гу Тин снова вручил фонарь Хо Яню. Этот толстый мышонок ему ужасно подходил!

Хо Янь не понял намёка, лишь прищурился:

— Радуешься, что можешь мной покомандовать?

Гу Тин, увлечённый фонарём, пропустил скрытый смысл мимо ушей:

— Ага, радуюсь!

Тем временем Мэн Цэ, заметив, что брат не в силах оторваться от кроличьего фонаря, быстро приобрёл его, опередив Хо Яня. Увидев, как тот глаз не сводит с ярких ягод в карамели, он улыбнулся и кивнул Хо Яню:

— Я отведу его купить кое-что.

Два князя молча обменялись кивками и разошлись. Между ними не требовалось лишних слов.

Длинная улица казалась бесконечной. Каждый фонарь был прекрасен, заставляя задерживать взгляд. Гу Тин провёл в столице большую часть прошлой жизни и почти не пропускал Праздник фонарей, но воспоминания были далеко не радостными.

Все они были связаны с Цзян Муюнем, этим подлецом.

Отгнав дурные мысли, Гу Тин вспомнил недавние дни в Цзююане, и в сердце шевельнулась лёгкая грусть. Размахивая фонарём, он спросил:

— А как в Цзююане отмечают Праздник фонарей? Там тоже столько огней?

Было странно: он прожил в Цзююане меньше трёх месяцев, но уже тосковал по тем местам. Особенно по ночам, в одиночестве, ему снились милые люди и тёплые мгновения.

Хо Янь слегка кивнул:

— Там не менее оживлённо. Фонарей много, хоть и не таких изысканных, зато с более оригинальными узорами. В Цзююане ледяные фонари занимают добрую половину улицы.

Гу Тин оживился:

— Ледяные фонари?

Хо Янь:

— Да. Воду заранее замораживают, затем лёд вынимают и вырезают из него разные формы. Ночью, со свечой внутри, они очень красивы. Некоторые мастерицы добавляют в воду красители — тогда фонари получаются цветными и совсем особенными.

— Вау... — Гу Тин загорелся, уже представляя себе эту картину. — А ты сам делал такие?

Хо Янь кивнул:

— В детстве.

Гу Тин:

— И какой же он был?

Хо Янь взглянул на него:

— Хочешь увидеть?

Гу Тин кивнул:

— Очень!

Хо Янь медленно улыбнулся:

— В следующем году сделаю для тебя.

— В следующем году... — Гу Тин вдруг задумался и вздохнул.

К тому времени он, возможно, уже будет в Цзяннани.

Настроение внезапно стало меланхоличным. Хо Янь нахмурился, протянул руку и крепко сжал ладонь Гу Тина.

Гу Тин: !!

— Здесь много народу, будь осторожен, — строго сказал Хо Янь.

И, не слушая возражений, притянул его к себе, не позволяя отдалиться.

Гу Тин смотрел на их сцепленные руки и мысленно фыркнул.

Днём, в экипаже, ты был совсем другим — отстранялся, строил из себя стойка. Письмо не показывал, секреты хранил. Так бы и продолжал!

Он резко остановился и выдернул руку, гордо вскинув подбородок:

— Я в порядке.

Но слова его оказались преждевременны.

Едва он их произнёс, как толпа хлынула вперёд, с силой втолкнув его прямо в объятия Хо Яня.

Грудь у этого мужчины была твёрдой, как и его характер. Он не знал, что такое мягкость, и сладких речей не говорил.

— Говорил же, народу много, будь осторожен.

Уши Гу Тина мгновенно вспыхнули. Он попытался вырваться:

— Я могу стоять сам...

Но Хо Янь лишь крепче прижал его, не позволяя двинуться:

— Будь послушным.

Делать нечего, Гу Тин лишь сердито глянул в сторону.

Впереди какая-то девушка затеяла игру с шаром, и толпа взволнованно рванула туда. Как тут не быть давке?

Так они и шли некоторое время. Хо Янь заметил, что Гу Тин не произносит ни слова, будто чем-то расстроен, и с лёгким вздохом произнёс:

— Прости. Я просто боялся, что ты потеряешься.

Гу Тин: ...

Хо Янь старался ему угодить? Учился ухаживать?

Гу Тин поднял голову и встретился с его взглядом.

Он чувствовал: хотя Хо Янь и держал его, тело его оставалось напряжённым, сдержанным. Но в его глазах, что бы ни скрывали лунный свет и огни фонарей, пылал дикий, необузданный огонь.

— Ты... что с тобой?

<http://bllate.org/book/16279/1466557>